

тем»³⁹, действующая на уровне глубинных структур, на общесемантическом уровне. Прав, поэтому, У. Чейф, предложивший различать семантические и «постсемантические» операции и показавший, в частности, что «семантическая структура онондага (ирокезский язык. — И. Г.) сравнительно незначительным образом отличается от соответствующей структуры английского языка..., серьезные различия между двумя языками возникают главным образом в результате постсемантических процессов, которые порождают заметно отличающиеся друг от друга поверхностные структуры»⁴⁰. Здесь мы вплотную подошли к проблеме, связанной с теорией лингвистической относительности. Нетрудно увидеть, что эта теория могла возникнуть только при отождествлении языка с мышлением, глубинной структуры — с поверхностной.

О возможностях экспериментальной проверки теории лингвистической относительности

Ранее (с. 167) мы обещали вернуться к рассмотрению экспериментов Э. Леннеберга и Дж. Робертса, которые понадобились потому, что сопоставление априорных суждений в рамках проблемы не могут привести к определенным результатам: слишком велики возможности самых различных интерпретаций самых нестрогих определений. Эксперименты, о которых идет речь, были проведены в конце 50-х годов, широко известными стали в 1968 г.⁴¹ Суть их заключалась в том, что в одном случае француз, чеху и поляку предъявлялся ряд стуков одинаковой силы, а в другом случае носителям языка зунги (индейцы штата Нью-Мексико) предлагалось расчленить цветоряд для определения границ между цветами и отдельными оттенками внутри одного цвета. Испытуемый француз, по свидетельству авторов эксперимента, отметил последний стук в качестве наиболее сильного, чех — первый, поляк — предпоследний, т. е. в соответствии с системой словесных ударений в родных языках. Носители языка зунги расчленили цветоряд не так, как англоязычные американцы, а по системе цветообозначений в зунги. Но если перцептивная деятельность осуществляется «под диктатом языка», то и надстраивающаяся над ней интеллектуальная деятельность также должна зависеть от «языковой картины мира», т. е. изменяться от одного языкового сообщества к другому. Вспоминая афоризм Козьмы Пруtkова «Если на клетке слона прочтешь надпись „буйвол“, не верь глазам своим», можно сказать, что носитель любого языка должен всегда верить надписи, а не тому, что он видит в клетке.

Но если говорить серьезно, то результаты упомянутого эксперимента вызвали серьезные сомнения по следующим причинам.

1. Цветная орнаментика, отмеченная этнографами в качестве обязательного результата эстетического отношения к миру, присущая людям на уровне всех национальных и племенных объединений, не зависит от конкретной системы цветообозначения. Как мы видели раньше (с. 167), цветоразличение в онтогенезе человека начинается задолго до появления речи, а также осуществляется глухонемыми, не обученными языку. Тесты на цветоразличение проходят представители самых различных национальностей, включая индейцев и африканцев, при обучении автовождению и летному делу. Эти тесты специально предусматривают выполнение не вербальной инструкции, где цвет назван, а практического задания, где необходимо соотносить цветовой эталон с цветовым пятном-заданием.

2. Если ни француз, ни чех, ни поляк не могут объективно оценить силу удара в «стукоряде», то, очевидно, только носитель языка с подвижным ударением (например, русского) способен к объективному восприя-

³⁹ Бахтин М. Указ. соч., с. 127.

⁴⁰ Уоллес Л. Чейф. Значение и структура языка. Перев. с англ., М., «Прогресс», 1975, с. 306.

⁴¹ Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 74—76.